

следует принять как соответствующее современным представлениям о структуре индоевропейских сочетаний с начальными элементами, вводящими предложение<sup>4</sup>.

На с. 563 в связи с проблемой возведения тох. *A wäs*, *B yasa* 'золото' к шумер. *guškin* 'золото'<sup>5</sup> форма последнего слова дана неточно.

Специалисты по этимологии отдельных индоевропейских языков, в частности, славянских и балтийских, найдут много полезного в приложенных к словарю списках соответствий между тохарским и каждой из подгрупп индоевропейских языков.

Список заимствований в тохарском отличается большей трезвостью, чем те публикации последних десятилетий (в том числе и принадлежащие перу автора словаря), где предполагалось очень существенное воздействие языков северной и восточной Евразии на тохарский. Более сдержанный подход в этой книге делает и заключительный ее раздел неопценным подспорьем при исследовании тохарской этимологии.

Вяч. Вс. Иванов

**В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Сравнительный словарь (*l-ž*). Указатели. М., 1976**

Во второй том этимологического словаря ностратических языков В. М. Иллич-Свитыча входит около 100 словарных статей от I до N, представляющих связную часть словаря, и некоторые другие статьи на последующие начальные фонемы (от р до ž) из первоначального авторского варианта работы. Тем самым заканчивается публикация тех словарных статей, которые были подготовлены самим автором до его трагической гибели (остальные части словаря должны быть извлечены из карточек и потребуют значительной редакторской доработки). Нельзя не пожалеть о том, что необычайно трудная задача реконструкции ностратического словаря осложняется дополнительной трудностью — необходимостью предварительной реконструкции авторского замысла В. М. Иллич-Свитыча, лишь частично отраженного в двух изданных томах (хотя издатели сделали все возможное, чтобы облегчить решение этой задачи для читателя).

За пять лет, отделяющих выход в свет второго тома словаря от первого, в мировой научной литературе (наряду с негативными суждениями, как правило, очень слабо мотивированными и отражающими преимущественно лишь характерную эмоциональную реакцию на принципиально новое открытие) появился целый ряд положительных или сочувственных откликов на словарь, в том числе и принадлежащих перу основателей отдельных областей сравнительного языкознания, охватываемых ностратикой (Б. Коллиндеру, Н. Н. Поппе). Но большинство самостоятельных исследований, опубликованных в те же годы, скорее было посвящено попарным сближениям языковых семей (индоевропейской и семитской, как у Бомхарда, индоевропейской и уральской, как у Чопа). Не отрицая значимости подобных поисковых работ (в том числе и для ностратики в целом), следует все же заметить, что (если не говорить об отдельных молодых энтузиастах) сопоставление значительного числа языков нескольких семей вызывает заметную робость у многих исследователей. Это относится не только к ностратической теории, но и к некото-

<sup>4</sup> *Bader F. Viell-irlandais no, no- et les formes tokhariennes apparantées. — Études celtiques, 1976, v. 14, N 2, p. 391—403; Idem. Le present du verbe «être» en indoeuropéen. — BSL, 1976, t. LXXI, fasc. 1, p. 29.*

<sup>5</sup> Ср. *Иванов В. В. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики. — Историко-филологический журнал. Ереван, 1976, (75), с. 85;* к приведенным здесь формам этого миграционного термина следует прибавить даг. \**misid* 'золото': *Гигинейшвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 26, 119.*

рым другим синтезирующим концепциям, предложенным за последние годы в сравнительноисторическом языкознании (американская гипотеза Э. Мэттсон, индотихоокеанская семья Дж. Гринберга).

Как представляется, доказательство каждой из названных концепций, имеющих первостепенное значение и для ранней этнической истории современного человечества, не может строиться только на собственно словарных данных, что хорошо понимал В. М. Иллич-Свитыч. Оставаясь только в рамках словарных сближений, касающихся имен существительных и глаголов (а не местоимений), чрезвычайно трудно достоверно отделить общий лексический запас сопоставляемых языков от фонда общих заимствований. В качестве наглядного примера можно привести соответствие и.-е. \**n(δ)m-n* 'имя' и родственной финно-угорской и самодийской формы. Отмечая, что сопоставляемые слова ограничены двумя группами языков, В. М. Иллич-Свитыч указывает, что их фонетический облик «по-видимому, исключает возможность заимствований» (с. 83). Однако отмеченное еще Педерсеном<sup>1</sup> разительное сходство тох. В *ñem* с финно-угорскими формами и вероятие ранних уральско-тохарских связей делает это заключение спорным. Другим не менее характерным примером может быть поставленное под вопрос самим В. М. Иллич-Свитычем (с. 40) картвельское соответствие и.-е. \**mer-* 'молодой мужчина'. Поскольку не только в хурритском (с. 39), но и в урартском *marī*<sup>2</sup> обнаруживается заимствование из митаннийского арийского *marya-*, кажется возможным поставить вопрос и о сходной интерпретации сван. диал. *māre* 'человек, мужчина', чечен. *mār* 'супруг' (с. 40) как весьма древнего заимствования (из арийского в языки Кавказа).

Особенно сложные лексические проблемы возникают в тех случаях, когда соответствие из шести сопоставляемых в словаре групп встречается лишь в двух, но при этом засвидетельствовано и в широком ареале вокруг одной из сопоставляемых групп. При соответствии семит. *šmš* 'солнце' (в аккадском 'Бог Солнца') берберскому и чадскому \**mš* 'огонь, солнце, утро, звезда' (в семитском редуплицированному?) в картв. *mz<sub>1</sub>-e* 'солнце' — единственный пример  $z_1 < \text{ностр. } *ž$  (с. 78). Однако это слово представлено и в абхазо-адыг. \**m(a)za-* 'луна'<sup>3</sup>, и в даг. \**baža*<sup>4</sup> 'луна, месяц' с нахскими соответствиями (нахск. — даг. \**baž-*)<sup>5</sup>, иначе говоря, является общим для всех языков Кавказа (хотя семантически картвельские формы объединяются с семитскими, противопоставляясь и северо-кавказским, а отчасти и берберо-чадским). Не предвзято окончательного вывода о характере этого слова, ограничусь замечанием, что для ранних периодов истории культуры названия луны и солнца и соответствующих божеств вполне могли быть миграционными терминами (любопытно, что для тех же двух групп — семито-хамитской и картвельской — предполагается еще и другое общее название солнца, егип. *r<sup>c</sup>* 'Бог Солнца', сван. диал. *rəhi* 'рассвет', с. 106). К возможным отражениям той же основы (в заимствованных?) в древних индоевропейских языках ср. лув. *mašš-ana-* 'бог' и т. п.

Как многократно подчеркивал В. М. Иллич-Свитыч, первостепенное значение для исключения заимствований имеют фонетические правила соответствий. Можно утверждать, что чем больше число фонетических перекодиро-

<sup>1</sup> Pedersen H. Eine tocharische Frage. — Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, 1950, N 1, S. 103, 104.

<sup>2</sup> Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М., 1963, с. 39, 81, 85, 89; Меликишивили Г. А. Урартские клинообразные надписи. — ВДИ, 1971, № 3, с. 231; 1971, № 4, с. 286.

<sup>3</sup> Климов Г. А. Абхазоадыгско-картвельские лексические параллели. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 288.

<sup>4</sup> Гигинейшвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 75, 84. К начальному *m-* ср. авар. *mos*<sup>3</sup> 'луна, месяц'; вторичное *-b-* представлено в картвельском в лазск. *bžačxa* 'воскресенье', мегрел. *bža* (с. 78).

<sup>5</sup> Troubetzkoy N. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéthénolesghiennes (caucasiques orientales). — BSL, 1928, v. XXIX, fasc. 1, p. 165.

рований и соответственно сложность звуковых преобразований при переходе от ностратического к отдельным семьям и чем, следовательно, менее очевидна связь между сопоставляемыми формами, тем надежнее допущение исходного общего ностратического источника и тем самым незамысловатого характера слова. В этом отношении особенно показательны те слова, в которых, по В. М. Илличу-Свитычу, произошло упрощение групп сонантов и вокализма и преобразование структуры корня в индоевропейском, семито-хамитском и картвельском, то есть в западных ностратических языках (ср. с. 19 и др.). Другой существенной группой фонетических трансформаций, широко представленной в материалах рецензируемого тома словаря, является развитие начальных палатальных типа \**ń-*, \**ñ-*, \**λ-* и т. п. Хотя предполагаемые В. М. Иллич-Свитычем сближения индоевропейских форм с начальным *j*- и других ностратических с *n-* (с. 90 и др.) могут казаться на первый взгляд неожиданными, они более достоверны, чем лежащие на поверхности (но иногда обманчивые, как приведенные выше) сопоставления. Прогресс ностратического языкознания окажется возможным лишь по мере открытия дальнейших подобных правил, достаточно сложно перешифровывающих формы одних языков в другие (и тем самым одновременно затрудняющих поиск надежных ностратических этимологий и делающих каждую из них особенно достоверной).

Из обсуждаемых во втором томе фонетических соответствий, имеющих большое значение для сравнения друг с другом отдельных семей, следует выделить соответствие начального п.-е. \**H-* и урал. *k-* (с. 97), существенные примеры которого выявлены в последние годы при отождествлении родственных грамматических (глагольных и именных) окончаний в индоевропейском и финно-угорском<sup>6</sup>.

Последовательное отождествление всех грамматических и служебных (в широком смысле, включающем и местоименные) морфем в ностратических языках представляется основным способом доказательства справедливости ностратической теории. Хотелось бы подчеркнуть, что изучение труда В. М. Иллич-Свитыча убеждает в особой показательности реконструкции элементов именно с синтаксическими функциями, которые лишь в истории отдельных семей могут становиться морфологическими<sup>7</sup>. Всего отчетливее характер таких элементов показан В. М. Иллич-Свитычем на примере форманта в стносительных конструкциях \**mA*, который «сохранил древний статус элемента с относительным значением в семито-хамитском, где обнаруживаются следы его употребления как в препозиции, так и в постпозиции» (стр. 47). Для таких частиц характерен широкий спектр функций и возможности различного положения в предложении, причем обычно препозитивное употребление и позднее превращение в префикс в картвельском, тогда как в остальных ностратических языках обобщается постпозитивное употребление частицы, превращающейся в суффикс (стр. 48). Помимо именных и глагольных элементов, описанных в этой связи В. М. Иллич-Свитычем, можно отметить такое же функционирование и других глагольных элементов (суффиксальное \**-H-* в индоевропейском при соответствующем префиксе в картвельском и т. п.).

Хотя бы в части языков удается в таких случаях найти след самостоятельного употребления частицы, еще не ставшей аффиксом, как в с.-х. \**la-*, \**li-* предлог 'к', сопоставляемый с частицей *-la* в формах типа сван. *Ādiši-la* 'человек из Ādiši' (с. 25, ср. в древнем индоевропейском хетт. *našili* 'на языке города Несы', *Ḫattušili* 'человек из Ḫattuš-' и т. п.).

В отдельных статьях рецензируемого тома содержится фрагментарный очерк морфологии имени в ностратическом. Формирование гетероклитических

<sup>6</sup> *Ср.* В. Les changements paradigmaticques d'accentuation chez les thèmes nominaux en e/o- indo-européens. — *Linguistica*, 1974, v. XIV, p. 42, 43.

<sup>7</sup> *Ср.* об этой тенденции в истории индоевропейских языков: *Ivanov V. V.* The relation between different grammatical levels in the linguistic evolution. — *Die Sprache*, 1977, 23, 1, S. 20—24.

парадигм в индоевропейском и дравидском В. М. Иллич-Свитыч объяснял развитием сочетаний косвенных форм имени на *-n* с частицами локативного значения (типа постр. \**da*, \**ka*). При этом выделяется становление разветвленных именных парадигм в восточно-ностратическом и радикальная перестройка склонения в семито-хамитском (с. 81). Дальнейшие исследования позволяют уточнить этот набросок синтаксической предыстории тех конструкций, из которых возникают именные формы склонения в отдельных ностратических языках. Для выяснения предыстории склонения в ностратических языках особенно интересны наблюдения В. М. Иллич-Свитыча о развитии форманта маркированного прямого объекта \**-mA*, к которому возводится и.-е. вин. п. ед. ч. на *-m* (с. 48—51). Рецензент с удовольствием отметил, что В. М. Иллич-Свитыч (с. 79) разделял истолкование тохарского показателя косвенного падежа *-m* (< \**-n*) как следа индоевропейского гетероклатического *-n*- типа др.-инд. *yak-n-ās* 'печени' (от *yak-r-t*)<sup>8</sup>.

Для сопоставления с картв. \**men-* (и соответствующими формами восточно-ностратических языков — уральского и алтайского) особенно интересен анализ основных косвенных падежей местоимения 1 л. ед. ч. и.-е. \**me-ne* (с. 63—66, 78—81). Анализ В. М. Иллич-Свитыча убеждает в исключительной важности этой местоименной парадигмы (\**mi*, косв. п. \**me-ne*, ср. 1 л. мн. ч. инкл. \**mā*) для доказательства ностратической теории в целом (соответствующая статья, описывающая местоимение 2 л. ед. ч. \**ti*, может быть реконструирована на основании других статей, ср. с. 80 и др.). При этом следует подчеркнуть, что факт родства ностратических языков автоматически следует из принятия надежности реконструкции этих местоименных (и других указанных грамматических) элементов независимо от того, насколько приемлемой окажется та или иная этимология конкретных имен существительных и глаголов (к проверке таких этимологий В. М. Иллич-Свитыч, сам в высшей степени наделенный критическим мышлением и готовый усомниться в верности существенной части своих выводов, постоянно был готов и призывал других ученых). Но сколько бы конкретных ностратических этимологий ни оказалось в конечном счете отсеянными как следствие древних заимствований или как дескриптивные основы (большинство таких спорных случаев отмечено самим автором словаря), несомненным после выхода в свет двух томов словаря представляется то, что В. М. Иллич-Свитыч сумел доказать родство ностратических языков. Для этого вывода необходимо и достаточно было провести надежные сравнения ключевых элементов системы, в частности, личных местоимений, в их соотношении друг с другом.

Одним из наиболее удачных доказательств общей концепции автора словаря представляется восстановление системы инклюзивных и эксклюзивных местоимений. Наличие категории инклюзива-эксклюзива в картвельском было исследовано в связи с индоевропейскими фактами еще Боппом, чьи мысли, однако не нашли тогда продолжения<sup>9</sup>. Когда сперва Йенсен<sup>10</sup>, а много спустя Уоткинс<sup>11</sup>, предположил, что основа \**n(e)*- в индоевропейском имела функцию эксклюзива, самим создателям гипотезы казалось, что «она в лучшем случае недоказуема»<sup>12</sup>. Однако одновременное (и сделанное совершенно независимо разными учеными) открытие эксклюзивного *na-* в картвель-

<sup>8</sup> См. более подробное изложение этой точки зрения: *Иванов В. В.* Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. — В кн.: Тохарские языки. М., 1959, с. 24—27.

<sup>9</sup> *Дондуа К. Д.* Франц Бопп и кавказские языки. — В кн.: *Дондуа К. Д.* Статьи по общему и кавказскому языкознанию. М., 1975, с. 229 (доклад, сделанный в 1945 г., но напечатанный 30 лет спустя), ср. с. 79—95.

<sup>10</sup> *Jensen H.* Bemerkungen zum ungeschlechtigen Personalpronomen des Indogermanischen. — IF, 1930, Bd. 48, S. 117—126.

<sup>11</sup> *Watkins C.* Formenlehre. T. 1. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion (Indogermanische Grammatik, hrsg. von Kuryłowicz J. Bd. III). Heidelberg, 1969, S. 47 (работа Йенсена ему, вероятно, была неизвестна).

<sup>12</sup> Там же.

ском<sup>13</sup> и *n*- в чадской группе семито-хамит. языков<sup>14</sup> позволило подойти к новому решению проблемы, согласующемуся с теми выводами, которые ранее высказывались в индоевропеистике, но оставались в ней недоказанными: по В. М. Иллич-Свитычу «древнейшее инклюзивное значение сохранено в семито-хамитском и восстанавливается для картвельского; дравидийские и алтайские данные, представляющие иное распределение эксклюзивных и инклюзивных форм, могут быть объяснены как результат перестройки соответствующих систем в связи с новыми формами, производными от мест. 1 л. ед. ч. Таким образом, инклюзивная основа \**mā* противопоставлялась на ностр. уровне основе 1 л. *exclus. \*nā*» (с. 56). На этом примере можно видеть, что ностратическая теория явилась конечным результатом постепенного развития индоевропейского и других смежных областей сравнительно-исторического языкознания (в частности, картвельского), начатого еще трудами Боппа, причем наибольшее значение выводы ностратики приобретают в таких именно пунктах, где без применения внешнего сравнения дальнейший прогресс был бы невозможен.

Другим примером, из которого легко усмотреть естественность перехода от исследования реликтовых местоимений отдельных семей (в частности, индоевропейской) к широким ностратическим сопоставлениям, может быть хетт. *ma-* (в *maši-* 'сколько'), открытие которого (как и родственной тохарской и кельтских форм) заставило еще пионера ностратики Педерсена<sup>15</sup> предположить в связи с семито-хамитскими и уральскими вопросительными местоимениями, к которым позднейшие исследования прибавили и картвельские и дравидские параллели (с. 66—68).

Из отдельных статей словаря, представляющих значительный интерес для реконструкции грамматической системы ностратического праязыка, следует отметить восстановление запретительного \**mā-* (с. 56—57) во всех семьях, кроме уральской, где функции запретительного отрицания переняты урал. \**ela*, \**älä*<sup>16</sup> из ностратического \**āla*, функциональное соотношение которого с \**mā* воспроизводит позднейшее соотношение между \**mē* и \**ne* в индоевропейском<sup>17</sup> (возможный след \**āla* можно видеть не только в хетт. *le*, но и в слав. \**li*, переосмысленном согласно известной закономерности трансформации отрицательных частиц в вопросительные).

Помимо значимости словаря для ностратической сравнительной грамматики в целом, следует отметить важность этимологических гипотез В. М. Иллич-Свитыча для понимания истории слов отдельных семей, например, названий частей тела в отдельных индоевропейских диалектах — селезенки (> печени, и.-е. \**l/e/p-* в армянском и греческом, с. 17), ноги в германском (и.-е. \**lak-*, с. 22, 23), лапы (и.-е. \**lep-*, с. 23, 24) и мошонки в славянском (\**mōdo*, с. 73) и т. п. Существенный для проблемы индоевропейских миграций вопрос о вторичности значения 'море' у и.-е. \**mor-* решается окончательно благодаря единообразию значений типа 'вода, влага, водоем' во всех других ностратических языках (кроме сред.-монг. 'море', с. 60, 61). Специалисты по картвельским языкам найдут в словаре целый ряд существенных подтверждений архаичности сванского (ср., например, о названии воды

<sup>13</sup> Гамкрелдзе Т. В. Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.), с. 46—47. Значительно менее определенными были сделанные ранее предположения: Дондуа К. Д. Указ. соч., с. 82, 83, 92.

<sup>14</sup> Пильщикова Н. Н. Местоимения языков нигеро-чадской группы. — В кн.: Африканский этнографический сборник, III (Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. II). М.—Л. 1959, с. 217—218.

<sup>15</sup> Pedersen H. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938, S. 67—72 (§ 56).

<sup>16</sup> Ср. об уральском *Сор. В. Indouralica 1* (Sloven. akad. znanosti in umetnosti. Razred za filol. in literarne vede, Dela 30), Ljubljana, 1974.

<sup>17</sup> Lehmann W. P. Proto-Indo-European syntax. Austin and London, 1974, p. 153—154; ср. Иванов В. В. [Рец.]: — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1977, м. XXXVI, № 4.

*lic-, nic-*, с. 33). Из отдельных тонких семантических наблюдений заслуживают быть отмеченными замечания об однотипном развитии и.-е. \**lip-* в тохарском и древне-исландском ('липнуть' > 'оставаться' > 'быть лишним', с. 18), и.-е. \**lem-* в албанском и славянском ('ломать зерно' > 'ток', с. 22), и.-е. \**lep-* в кельтском и славянском ('лопата' > 'весло', с. 23) и др. Славянские семантические параллели удачно использованы также для объяснения развития тох. А *ljäšk* 'пах' (<\**les-* 'слабый', ср. болг. *слабин* 'пах', с. 16), дравид. *nīvu* ('мазать' > 'гладить', с. 19) и т. п.

Из проблем, лишь мимоходом отмеченных в словаре, но заслуживающих детального изучения, кажется существенной возможность обнаружения следов утраченных ностратических языков в некоторых заимствованиях из них (например, в уральском, с. 45).

По мере расширения круга привлекаемых для сопоставления семей (В. М. Иллич-Свитычем сознательно ограниченного) отдельные детали предлагаемых в словаре реконструкций могут найти дополнительное подтверждение: достаточно упомянуть в качестве примера значимость причастий на *-l* в юкагирском<sup>18</sup> для установления роли соответствующих ностратических форм (с. 20, 21).

В ряде случаев в словаре отмечается значимость архаических хеттских (иногда сохраняющих древние явления, утраченные другими индоевропейскими языками) форм для ностратических реконструкций; к таким примерам возможно следует отнести и формы типа хетт. *tarijalla-*, *tarrijanalli-* 'третий' при собирательных формах на *-l* (в том числе и от числительных: узб. диал. *üçä-la* 'все трое, втроем', с. 14) в других ностратических языках. Из слов, которые по алфавитному месту в словаре могли бы войти в рецензируемый том, можно было бы допустить возведение к ностратическому хетт. *peka-* 'сестра, дочь, младшая родственница' при таких алтайских формах, как тунг. (негидал.) *nəxi(n)* 'младший брат, младшая сестра' и т. п.

Следует, как и по отношению к первому тому, подчеркнуть тщательность и исключительную научную добросовестность работы, проделанной при подготовке второго тома редактором В. А. Дыбо и всеми помогавшими ему учеными. Самостоятельную ценность представляют приложенные к тому указатели, составленные Р. В. Булатовой<sup>19</sup>. Следует пожелать всему коллективу, работающему над продолжением работы В. М. Иллич-Свитыча, успешного завершения трудов по подготовке третьего тома словаря на основании карточек, оставшихся в архиве покойного основателя ностратического языкознания.

Вяч. Вс. Иванов

<sup>18</sup> Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.—Л., 1958, с. 106 и сл.; Rosenkranz B. Zur indo-uralischen Frage. — In: Istituto Orientale di Napoli. Annali, Sezione linguistica, VII. Roma, 1966, с. 177.

<sup>19</sup> Важное дополнение к ним представляет также: Булатова Р. В. Славянский материал в «Ностратическом словаре» В. М. Иллич-Свитыча. — В кн.: Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. Конференция. М., 1977, с. 74—79.